Исторические науки

УДК 93/94

Е.С. Шавлохова

В.В. Соляник

Д.А. Шавлохов

Шавлохова Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: 520637@mail.ru

Соляник Вера Васильевна, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, ул. Красных Партизан, 234), e-mail: vera17rgup@yandex.ru

Шавлохов Давид Айварович, студент факультета непрерывного образования, направления «Право и судебное администрирование» Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, ул. Красных Партизан, 234), e-mail: david.chavloch.1998@mail.ru

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИЙ

В данной статье рассматриваются различные взгляды на административное управление национальными территориями. В настоящее время данный вопрос не потерял актуальности. В данной работе на основе междисциплинарных и компаративных подходов всесторонне

анализируются разнообразные источники, показывая динамику принимавшихся решений по проблеме исследования, определяется связь между государственными и ведомственными интересами.

Новизну и оригинальность работе придает освещение проблемы в историко-сравнительном стиле, что позволяет наглядно продемонстрировать государственные подходы к построению отношений с подконтрольными территориями на Юге страны, выделить принципиальные различия в их выборе для каждого конкретного народа, определить приоритеты и на этой основе раскрыть тактику построения внутриполитической деятельности именно в тех условиях, в которых эти отношения зарождались и развивались.

Ключевые слова: национальные территории, национальная политика, нация, самоопределение народа, выбор власти, господствующие и угнетенные нации.

E.S. Shavlokhova

V.V. Solyanik

D.A. Shavlokhov

Shavlokhova Elena Sergeevna, doctor of historical sciences, professor of department of history, cultural studies and museum studies of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), e-mail: 520637@mail.ru

Solyanik Vera Vasilievna, lecturer of department of general educational disciplines of the North Caucasian branch of the Russian state university of justice (234, Krasnykh Partizan st., Krasnodar), e-mail:vera17rgup@yandex.ru

Shavlokhov David Aivarovich, student of faculty of continuing education, direction «Law and judicial administration» of the North Caucasian branch of the Russian state university of justice (234, Krasnykh Partizan st., Krasnodar), e-mail: david.chavloch.1998@mail.ru

DEBATE AROUND THE PROBLEM OF SELF-DETERMINATION OF NATIONS

In this article discusses different views on the administrative management of national territories. At present, this issue has not lost its relevance. In this article, on the basis of interdisciplinary and comparative approaches, various sources are comprehensively analyzed, showing the dynamics of decisions made on the research problem, and the relationship between state and departmental interests is determined.

The novelty and originality of the work is given by the coverage of the problem in a historical and comparative style, which makes it possible to clearly demonstrate state approaches to building relations with controlled territories in the South of the country, highlight the fundamental differences in their choice for each specific people, determine priorities and, on this basis, reveal the tactics of building an internal political activities in the very conditions in which these relations originated and developed.

***Key words*:** national territories, national policy, nation, self-determination of the people, choice of power, dominant and oppressed nations.

После прихода к власти большевистского правительства вопрос о государственном устройстве и организации административного управления национальными территориями не потерял своей актуальности в том смысле, что перед новым руководством России стояла та же задача, что и перед самодержавной властью до революции: сохранение единого многонационального государства. Сделать это можно было, только опираясь на традиционную национальную политику, стержнем которой являлась централизация власти. Естественно, что эта политика проводилась советским правительством в новых идеологических форматах, а провозглашенный

принцип пролетарского интернационализма вполне соответствовал ее развитию под новыми лозунгами.

Как известно, впервые вопрос о праве наций на самоопределение был поднят большевиками еще до первой русской революции, в 1903 году на II съезде РСДРП. В последующий период, вплоть до октябрьской революции 1917 года, он несколько раз пересматривался и корректировался, поскольку в первозданном виде не соответствовал идее построения нерушимого социалистического государства. С учетом этого сначала в программных документах партии появилась формулировка о самоопределении народов, угнетенных самодержавием [11, с. 234-235].

Идеология государственного устройства и советское правительство говорило о самоопределениинациональных окраин в рамках централизованного государства. Такой подход, однако, не являлся единственной возможностью решения национального вопроса в России. О том значении, которое придавалось этому вопросу большевиками, говорит тот факт, что он активно обсуждался на партийных конференциях дореволюционного периода вместе с разработкой вариантов захвата власти. Во время дискуссий лозунг самоопределения неоднократно отвергался полностью, а решение национального вопроса предлагалось осуществлять методом «социалистической революции» с отменой внутренних границ и отказом от административного деления государства [16, с. 282-283].

В процессе смены власти в стране в октябре 1917 года, несомненно поднимался национальный вопрос и первоначально документом, решающим вопросы национальной политики была «Декларация прав народов России, и на III съезде Советов было установлено, что национальный вопрос не существует в нашем государстве. Он был снят с повестки дня. Поднимался вопрос о самоопределении наций и на разрешение данного вопроса в условиях революционного процесса [4, с. 95-96].

Сразу же после революции при определенных обстоятельствах российские народы имели реальную возможность полностью потерять

надежду на создание национальных государственных образований. Тем более что в правящих кругах имела место и такая позиция, согласно которой никто, даже рабочий класс не имел прав на решение вопроса о самоопределении. Ему предписывалось действовать в рамках «строгой пролетарской централизации и пролетарского объединения» [24]. Примечательно, что в программе Российской коммунистической партии большевиков, принятой на VIII партийном съезде, вопрос о праве наций на самоопределение так и не получил однозначной трактовки. В ней говорится о праве на государственное отделение, но только в отношении угнетенных народов капиталистического мира и колониальных стран, к которым российские народы никак не относились. Позже, в феврале 1921 года, в тезисах «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», подготовленных к X съезду РКП(б), позиция власти фактически не претерпела никаких изменений. Понятие «самоопределение» в них вообще отсутствовало, а в отношении государственного отделения указывалось на невозможность изолированного существования отдельных советских республик [20].

Тема самоопределения и развития народов России тем не менее стала достоянием общественности, дискуссия по этим вопросам перекинулась на страницы периодической печати. В целом ряде публикаций газета «Правда» отмечала, в частности, что в развитых капиталистических странах решение национального вопроса основывается на интеграционных процессах. В этой связи в условиях советской власти оно не должно зависеть от установления диктатуры пролетариата, поскольку в мире к этому времени уже практически не существовало разграничений на господствующие и угнетенные нации [15].

В это же самое время со стороны национальных партийных деятелей высказывались суждения о том, что заострение внимания на праве самоопределения не решает главного вопроса – стабилизации национальных отношений, во многом зависящих от активности революционных движений на местах. Интерес представляет то обстоятельство, что среди отдельных

национальных революционеров право на самоопределение толковалось в качестве «свободы национального самоопределения к коммунизму» [3, с. 704]. По мере дальнейшего укрепления советских органов управления на местах и партийного влияния интерес к рассматриваемому положению стал заметно снижаться, а восстановление правления центральной власти в этнических регионах России начало осуществляться на основе их советизации. В решении этих вопросов принимали активное участие и российские коммунисты, и сторонники большевиков из числа представителей коренных национальностей.

Следует заметить, что начальный период установления советской власти в национальных регионах, в том числе и на Северном Кавказе, совпал с распространением позитивного представления народов о новом руководстве. Горцы, испытавшие на себе угнетающее воздействие самодержавия, а также политики белых генералов, возлагали надежды на большевистское правительство и с воодушевлением воспринимали все его меры в области национальной политики. С таким же настроем в этнической среде было встречено, например, решение о создании автономий: Калмыцкой, Дагестанской, Горской и других. Районы расселения народов в начале 1920-х годов впервые за всю историю их существования получили статус административно-территориальных образований. Это событие имело настолько сильное воздействие, что никто и не обращал внимания на концентрацию всех рычагов власти и управления в центре.

Вся беда в том, что представители советской власти слишком увлеклись борьбой с внутренними врагами и совсем позабыли о необходимости проведения целенаправленной разъяснительной и пропагандистской работы в национальных окраинах. В процессе реализации данной политики многим территориальным окраинам, таким как Азербайджан, Армения и Грузия сохранили территориальную целостность.Установление советской власти освободило их от экспансионистских устремлений со стороны империалистических держав и

соседних более развитых государств. Такое состояние продлилось до конца 1922 года, когда состоялось учреждение Союза Советских Социалистических Республик. Не исключено, что именно в переходные годы в партийно-правительственных кругах сформировались определенные представления о характере и форме государственного образования в России.

В начале 1918 г. высказывались различные идеи, связанные с национально-территориальным образованием. Была выдвинута идея создания федерации для того, чтобы закрепить малые народы в составе Российской Федерации [17].

В данном контексте «советский тип» предполагал создание многонационального государства [21, с. 66-73.]. Несмотря на многочисленные возражения соратников, настаивавших на углублении централизации власти, В.И. Ленин все же акцентировал внимание на необходимости учета национальных особенностей и достижения общности на основе добровольного волеизъявления народов. В этом смысле он считал неприемлемым исключительно административный путь объединения. При этом он не видел возможности сочетания обоих вариантов решения национального вопроса. По его убеждению, нужно было либо идти по пути централизации, либо – в направлении предоставления народам большей самостоятельности [9, с. 151].

По мере усиления партийного влияния в государственных делах эти тенденции принимали все более актуализированные очертания. На X партийном съезде альтернативы Российской Советской Федеративной Социалистической Республике как основной и единственной форме государственного устройства уже не было [9], несмотря на то, что не все делегаты от партийных организаций национальных образований были солидарны с такой постановкой вопроса.

Весной 1922 года полемика вокруг проблемы государственного строительства вновь оживилась в связи с появлением публикаций, авторы которых в очередной раз пытались предостеречь власть от непродуманных

решений и использования административных рычагов в решении национального вопроса. В этом отношении отмечалось, в частности, что правительство страны пытается решить этот вопрос в узком кругу политиков без учета мнения самих народов, руководствуясь целью создания «единой и неделимой России» [22, с. 39]. Примечательно, что лидеры коммунистической партии в этот раз оставили без внимания подобного рода заявления.

Единственно возможным путем прекращения попыток поиска новых вариантов государственного устройства являлось скорейшее создание официального образования. Таким образованием стал СССР. Сразу же после этого обсуждение проблемы было переведено в другое русло - обеспечение сосуществования народов.

Документы свидетельствуют о том, что события после XI съезда РКП(б) развивались довольно динамично и быстро. До сентября 1922 года был подготовлен проект автономизации советских республик в составе РСФСР, который, однако, не был реализован. Украина и Белоруссия сохранили самостоятельность, а Азербайджан, Армения и Грузия вошли в состав Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Вместе с РСФСР они образовали Союз Советских Социалистических Республик. Соответствующий договор и Декларация были приняты на X Всероссийском и I Всесоюзном съездах Советов 26-27 и 30 декабря 1922 года [2, 14].

В отношении созданного государственного образования позиция В.И. Ленина заключалась в том, что он до последнего противился избранной форме создания национальных автономий. К наиболее неудачным решениям он относил аппаратный подход к достижению единства как проявление традиции, унаследованной от царского бюрократического российского аппарата, а также великодержавный тон по отношению к «националам» при решении вопросов национально-государственного строительства. Он связывал это с нарушением равенства и проявлением «национальной

несправедливости». В целом, вождь пролетариата дал негативную оценку свершившемуся факту. В этом отношении он предупреждал о том, что «не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы… вернуться на следующем съезде Советов назад, т.е. оставить Союз Социалистических Республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов» [2, 14].

К этому времени В.И. Ленин был уже болен и не мог повлиять на решения, принимавшиеся в области государственного строительства и управления национальными регионами. В своих разочарованиях по поводу избранной формы объединения народов в одно государство он был не одинок. Представители российской политической эмиграции также высказывали неудовлетворение по данному вопросу, поскольку считали, что и до этого все четыре государственные единицы были подчинены «центральному московскому правительству», а «их торжественное объединение…, представляет на деле скорее урегулирование некоторых внутренних отношений в пределах РКП, чем действительный новый государственный союз…» [10, с. 356-362]. Из этих слов видно, что представителей всех политических сил волновали два вопроса: во-первых, чрезмерная централизация всей государственной структуры, во-вторых, повышенная роль партии коммунистов в решении проблем объединения национальных республик и областей.

Видные общественные и политические деятели высказывали убеждение в том, что от созданного союза «еще как небо от земли далеко до действительной федерации самоопределяющихся и свободных народов, и вся «реформа» ни в малейшей степени не отразится на взаимоотношениях национальностей России и не даст им того самоуправления, которое немыслимо при нынешнем коммунистическом аппарате. Так, многие, даже полезные сами по себе политические реформы превращаются в условиях

коммунистической диктатуры в мелочную ведомственную перестройку» [18].

Поспешность решения вопроса о государственном объединении привела к тому, что и в самой партии образовалось несколько групп, позиции которых в отношении рассматриваемого вопроса, мягко говоря, не совпадали. Интерес вызывает то обстоятельство, что большинство представителей национальных республик и регионов открыто выступили в поддержку создания централизованного унитарного государства, т.е. ратовали за сохранение имперских традиций в этой области. Представители другой группы, к которой относились такие известные деятели, как В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, Н.Н. Крестинский, напротив, придерживались принципа интернационализма. Их точка зрения, стала бы определяющей, если бы данный вопрос решался на более ранней стадии, а к началу 1923 года в силу различных обстоятельств политическое влияние каждого из перечисленных политиков практически свелось к минимуму. К тому же, в то время в партийных кругах, в том числе среди членов РКП(б) в национальных регионах, каноны партийной дисциплины явно преобладали над целесообразностью поиска компромиссных решений. Естественно, что классовый подход к решению национального вопроса не был единодушно воспринят правящей элитой. Часть видных деятелей революционной эпохи категорично высказывались против многонационального государства с единым центром, но ей так и не удалось отстоять свою позицию. Дело усугублялось еще и тем, что действовавшее руководство умело использовало свое положение и обвиняло своих оппонентов в стремлении к созданию конфедеративного государства, что в корне противоречило имевшимся намерениям. На самом деле ни о какой конфедерации речи не шло, а предполагалось наделение республик и автономий законодательно закрепленными суверенными правами, вполне достаточными для обеспечения собственными силами дальнейшего социального, экономического и культурного развития.

Однако, как известно, реальностью стала модель многонационального федеративного государства. Свою роль в ее утверждении в качестве основы государственного образования сыграли декларативные заявления партийного руководства о том, что нации и народности объединяются на добровольной основе, что тем не менее не означало возможности отказа от вступления в союз. В то же самое время провозглашенная независимость понималась как единство действий в едином государстве, но при этом акцент делался на достижение социально-экономического равенства национальных регионов и республик, вошедших в союз. Таким образом, СССР создавался на основе социалистического федерализма с явным уклоном в сторону централизованного унитаризма как фундамента многонационального государственного образования.

Анализ документальных источников позволяет выделить доминировавшие подходы к решению проблемы. В первую очередь, это естественно, классовый подход, сущность которого ставила большой вопрос над практикой решения социальных проблем, которой придавался характер демократических преобразований. Во-вторых, доминирующим принципом объединения стал пролетарский интернационализм, который основывался исключительно на политических лозунгах и вовсе не учитывал реального состояния сферы межнациональных отношений. Теоретики социалистического строительства первых послереволюционных лет считали, что сам факт установления советской власти способен устранить разногласия и противоречия между народами. Аналогичная позиция давала возможность считать национальный вопрос с образованием СССР решенным раз и навсегда. В этой связи утратили свою актуальность и проблемы национально-государственного строительства. Они не снимались с повестки дня, но потеряли первостепенную значимость, сменились приоритетами общенационального, общегосударственного характера. В политическом лексиконе все чаще стало употребляться такое понятие, как советский народ,

которое не предполагало раздробленности составных элементов по этническому признаку.

Следует обратить внимание на то, что это как раз тот случай, когдапросчеты в исторических решениях и событиях позволяет выявлять время. Естественно, что ничего нельзя изменить и повернуть вспять, но тем важнее становится исторический опыт для будущих поколений, которые получают реальную возможность сравнить свои начинания с действиями предшественников и в случае необходимости вовремя скорректировать избранную политическую линию, направленную на решение тех или иных вопросов государственного значения.

По мере дальнейшего общественно-политического и экономического развития в политической доктрине государства все сильнее укреплялось положение о том, что именно классовый подход позволил решить все неотложные национальные проблемы. Это положение стало своего рода идеологической нормой, за которой скрывались, как отмечалось на XIII съезде партии, лишь «детали» [18]. Под «деталями» подразумевались такие вопросы, которые были непосредственно связаны с гражданскими и политическими правами национальных образований в составе СССР и Российской Федерации. Исходя из этого, мы склонны к мнению о том, что к середине 1920-х годов постановка национального вопроса в стране, в частности в области государственного строительства, являлась частью реализации общей стратегической задачи, суть которой заключалась в создании многонационального унитарного государства.

Данный вывод основан на тех оценках, которые в исследуемые годы звучали со стороны заинтересованных общественно-политических деятелей, являвшихся непосредственными участниками или очевидцами происходивших событий. На партийных съездах большинство членов ЦК РКП(б), как правило, придерживалось точки зрения о том, что национальный вопрос является вопросом тактики, не обращая внимания на то, что этот вопрос составлял основу соответствующего раздела программы партии

[23, с. 43]. В этом же отношении Х.Г. Раковский еще в апреле 1923 года, т.е. вскоре после создания СССР, указывал на то, что «вся национальная политика, все наше советское строительство в межсоюзных отношениях для большинства… понимались как известная стратегическая, дипломатическая игра» [23, с. 454]. В то же время вполне реальными выглядели правительственные усилия, направленные на типологическое решение многих экономических вопросов не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Повсеместно устанавливались одинаковые нормы, вводились однообразные технологии, осуществлялась специализация регионов, в совокупности составлявших единый экономический комплекс.

С позиций сегодняшнего дня в этом процессе видятся как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным тенденциям следует отнести, прежде всего, развитие производительных сил в регионах в рамках единого экономического пространства. Однако это развитие осуществлялось в большинстве случаев без учета местных возможностей, особенностей и традиций. Создававшаяся система в большей степени ориентировалась на интересы централизованного государства, ради чего порой полностью игнорировались местные инициативы, а задачи хозяйственного строительства разрабатывались и утверждались наверху.

Такая система не могла быть устойчивой, поэтому в качестве скрепляющих элементов использовались различные общесоюзные общественные, политические и даже военные институты. Естественно, что речь идет о партии, профсоюзах, армии, министерствах и ведомствах, вместе представлявших собой громоздкий бюрократический аппарат, осуществлявший перекрестный контроль над деятельностью местных органов административного и хозяйственного управления. Многоступенчатая вертикальная структура подчиненности закрепляла унитарный характер всего государства. В этом смысле достаточно сказать, что каждое предприятие или учреждение дублировало отчетность по нескольким направлениям: партийному, ведомственному, профсоюзному и т.д.

Вполне очевидно, что этой же цели было подчинено и построение партийных органов в рамках всего государственного образования. Если при выборе модели государственного устройства имели место альтернативные подходы, то в отношении партийного строительства этого не наблюдалось. С самого начала партия имела централизованную структуру, и не было никаких оснований считать, что она может отказаться от нее в пользу расширения демократических прав регионов. Еще задолго до образования СССР федеральный принцип построения партии был полностью исключен из обсуждавшихся организационных вопросов. Для всех партийных организаций независимо от места их расположения и национальной среды было установлено строгое подчинение центральному партийному комитету. Так же как и в области государственного строительства, здесь в основу был положен принцип интернационализма, означавший, как уже отмечалось, отсутствие всяких национальных проблем. В этом отношении в партийных документах того периода однозначно указывалось, что «все решения РКП и ее руководящих учреждений, безусловно, обязательны для всех частей партии независимо от национального их состава». При этом Центральные комитеты республик уравнивались в правах с областными комитетами партии и полностью подчинялись Центральному комитету РКП [1]. Такая постановка вопроса создавала благоприятные условия для утверждения и распространения внутри партии административного стиля управления периферийными структурами, при котором подчиненным органам отводилась роль исполнителей указаний вышестоящих инстанций.

Но поскольку на самом верху всей партийной иерархии находился центральный комитет, то постепенно в работе местных партийных органов стали преобладать общегосударственные интересы. В сущности, партия стала выполнять функции высшего органа власти, определять политическую стратегию государства, а ее решения являлись руководством к действию для всех без исключения органов управления. По аналогичной схеме строилась

работа самых массовых общественно-политических организаций – профсоюзов и комсомола.

Преобладание общегосударственных интересов над региональными хорошо просматривается из анализа данных о национальном составе делегатов партийных съездов, состоявшихся в первом десятилетии советской власти. По данным мандатных комиссий XII-XVI съездов, в их работе принимали участие от 60 до 65% русских, от 7 до 11% евреев, от 5 до 9% украинцев, от 1 до 3% белорусов. Количество делегатов остальных национальностей каждый раз не превышало одного процента [8, с. 105].

Интерес представляют данные о национальном составе коммунистической партии в первые послереволюционные годы. По состоянию на 1924 год среди членов партии русские составляли 72%, украинцы – около 6%, евреи – немногим более 5%, представители всех мусульманских народов вместе взятых – 4%. Если взять по отдельности каждый из закавказских народов, то их членство в партии по отношению к общему числу коммунистов было вообще незначительным, не говоря уже о малых народах России [5, с. 679]. Приведенные цифры со всей убедительностью доказывают, что при таком составе партии интересы национальных меньшинств не могли быть достойно представлены на государственном уровне по той простой причине, что от национального состава членов РКП(б) во многом зависела и кадровая политика.

Необходимо отметить, что центральное партийное руководство не очень много внимания уделяло формированию национальной партийной элиты. Ответственный за это направление работы учредительно-распределительный отдел Центрального комитета партии практиковал направление на руководящие должности в партийные органы национальных регионов представителей центра из числа лиц, не принадлежавших к местной коренной национальности. С трибуны XII партийного съезда прозвучали цифры, указывающие на то, что до 1924 года в национальные республики и области было направлено в общей сложности 655 партработников, из

которых только четвертая часть являлась выходцами из этой же республики или области. В то же время не все из них имели одни и те же этнические корни с местным населением [5].

В этой же связи уместно будет привести данные о соотношении представителей различных национальностей в государственном аппарате национальных регионов, который, как указывалось выше, фактически сросся с партийными структурами. По данным Центральной контрольной комиссии РКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции за десять послереволюционных лет численность государственного аппарата в Советском Союзе достигла почти четырех миллионов человек, из которых примерно половина занималась административно-управленческой деятельностью.

По национальной принадлежности среди сотрудников чиновничьего аппарата управления преобладали русские – почти 70%, около 20% являлись евреями, и только немногим более 10% приходилось на представителей всех остальных народов страны. Понятно, что при таком составе в национальных регионах многие руководители являлись направленцами из центра, интересы которого они и представляли. По официальным данным, в среднем по стране в середине 1920-х годов в губернских городах и крупных национальных центрах русские составляли до трех четвертей всех работников государственного аппарата [6].

Не менее значительный механизм реализации государственной политики на местах представляла собой армия. Наряду со своими прямыми функциями ее структура была построена таким образом, что охватывала основные регионы. В правительственных кругах вовсе не скрывалось то, что армия после окончания гражданской войны превратилась в опору политической стратегии [5, с. 680]. К тому же, начиная с X съезда партии, активно обсуждался вопрос об интернационализации вооруженных сил. Это означало, что подразделения Красной Армии должны были формироваться не только из русских, но и из представителей коренных национальностей в местах их расположения. Объяснялось это стремление тем, чтобы

инородческое население почувствовало «непосредственную живую связь, свое равноправное положение в Советской России». Не последнюю роль играло также желание властей избежать «тех осложнений, которые нередко» вызывались «операциями воинских частей в местностях, населенных национально чуждым им населением» [7].

Партийным руководством в этой связи ставилась еще одна важная задача перед армией – перевоспитание представителей различных народов, призванных на службу с тем, чтобы они стали неотъемлемой частью военно-политической структуры, действующей в строго определенных центром направлениях. Нет сомнений в том, что это способствовало укреплению центристских тенденций в многонациональном государстве. Ряд национальных политических деятелей упрекали партийную власть в том, что армия стала превращаться в инструмент русификации этнических регионов, поскольку в ее рядах представители народов теряют возможность общения на родном языке, а некоторые полностью утрачивают связь с родиной [3].

Реформа в армии проводилась с таким расчетом, чтобы в ее лице партийно-правительственное руководство имело не только верного союзника в реализации своей политики, но и надежную опору. Наличие такой опоры гарантировало недопущение всевозможных антигосударственных выступлений, в том числе националистических проявлений на местах [1, с. 523].

С начала 1990-х годов в отечественной историографии стали появляться труды, авторы которых пытаются обосновать преемственность российской государственной традиции в сфере национального вопроса. А.Н. Ненароков, например, утверждает, что имперские проявления в советский период берут свое начало с XII съезда партии [1, с. 547-548]. Э. Карр считает, что началом «молчаливого союза между русским национализмом и коммунистическим интернационалом» относится к периоду массового перехода офицеров старой русской армии на службу советской власти [5, с. 682].

Что касается приверженности традициям, пусть даже свергнутого режима, то это вполне нормальное явление, и оно в большей степени зависит не от характера власти, а от ментальности общества. Смена общественно-политических условий развития государства не может раз и навсегда отбросить опыт общественной эволюции, накопленный веками. В этом смысле достаточно разумная оценка действий большевистского руководства была дана зарубежной меньшевистской прессой. Она, в частности, неоднократно утверждала, что большевизм как политическое течение и как реальная власть нередко использовался «для достижения совершенно определенных национальных задач». Здесь же отмечалось, что, насаждая коммунизм в этнически однородных регионах, большевики на самом деле объединяли «российскую государственность, которой в ином случае грозил бы совершенный распад» [19].

Трудно не согласиться с тем, что в этих словах заложен глубокий смысл, да и очень сложно представить себе правительство, которое в создавшихся условиях не проводило бы свою политику так же жестко и напористо, как это делали большевики в первые годы после революции. К тому же анализ материалов партийных съездов 1920-х годов, в том числе тех, на которых активно обсуждались проблемы нацменьшинств, показывает, что вопросы «национализма» и «великодержавности» обсуждались на них открыто без каких-либо скрытых подтекстов. И представителями центра, и делегатами с мест отмечались факты обоих проявлений, однако никто из них не видел в этих фактах наличия угрожающих тенденций. Напротив, представители партийного руководства с высокой трибуны прямо говорили об опасности действий тех государственных деятелей, которые «выступают… носителями русской государственной идеи в советской форме…, ущемляют другие национальности» [12].

Более того, характер правительственного курса в межнациональной политике уже к концу 1920-х годов позволил выявить определенное игнорирование властью интересов русского народа в России, которая, в

сущности, лишилась своей государственности в том виде и в форме таких представительных органов, которые имелись в других союзных республиках. Все ее государственные полномочия были абсорбированы союзом, в том числе и права многонационального государства. В данном контексте следует, видимо, по-иному оценивать то обстоятельство, что уже в первой половине 1920-х годов в этнических регионах активно реализовывалась государственная программа коренизации партийных, советских и профессиональных кадров. Этот процесс во многом способствовал выравниванию уровня социально-экономического развития разных народов, становлению и развитию их производительных сил, внедрению науки и техники во все сферы жизни.

Большие государства, в состав которых входят многочисленные малые народы, исторически обречены на ярлыки о великодержавности. Взять хотя бы проблему национальных языков. В исследуемые годы большевистское руководство сначала обвинялось в том, что оно препятствует культурному развитию народов, объявив русский язык общегосударственным. Когда же было принято решение о переводе деятельности государственных структур на местах на национальные языки, опять послышались упреки в том, что такая политика разобщает народы, замыкает их в узкие национальные границы. В данном случае выход нашелся в формуле о том, что культура народов России должна быть национальной по форме и социалистической по содержанию. Эта формула не является изобретением советского периода, она в измененной форме отражает известную позицию династии Романовых, согласно которой «всякий народ пусть молится Богу по-своему, только непременно молится за самодержца всероссийского».

Приведенный пример указывает на то, что всякие попытки найти сегодня виновного в тех или иных бедах и просчетах, отразившихся якобы на исторической эволюции российских народов, обречены на провал. Каждый народ имел возможность участвовать в решении своей судьбы, и он делал это в соответствии с теми обстоятельствами, в которых пребывала вся страна. В

этом смысле даже лишение возможности выхода из состава России при наличии формально продекларированных прав можно расценивать как позитивное явление, поскольку самостоятельность не могла гарантировать народам достижения того уровня развития, который они сегодня имеют.

Список используемой литературы:

1. Двенадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1968. – 903 с.
2. Десятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23-27 декабря 1922 г.): стенографический отчет. – М.: ВЦИК, 1923. – 226 с.
3. Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (март 1921 г.). – М.: Политиздат, 1963. – 915 с.
4. Восьмой съезд РКП(б): стенографический отчет / VIII съезд Рос. ком. партии (б) (Москва, 18-23 марта 1919 г.). – М.; Петроград: Коммунист, 1919. – 415 с.
5. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. – 733 с.
6. Известия ЦК РКП(б). – 1924. – № 5. – С. 15.
7. Известия. – 1920. – 18 мая.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917-1922 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – 606 с.
9. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений. В 55 т. Т 38. Март – июнь 1919 / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1963. – 579 с.
10. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 45. Март 1922 – март 1923 / В.И. Ленин; Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1964. – 729 с.

11. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений. В 55 томах. Том 48. Письма. Ноябрь 1910 – июль 1914 / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1964. – 543 с.

12. *Ненароков, А.Н.* 1923-й. XII съезд – крах большевизма и победа национал-коммунизма / А.Н. Ненароков // Гефтер М. Инакомыслящий. – М., 1993. – С. 271-281.

13. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года: стенографический отчет / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1961. – 873 с.

14. Первый съезд Советов СССР: стенографический отчет (30 декабря 1922 г.). – М.: Изд-во ВЦИК, 1922. – 24 с.

15. Правда. – 1921. – 6, 8, 9, марта.

16. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б): стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1958. – 423 с.

17. Социалистический вестник. – 1922. – № 19. – С. 11-12.

18. Социалистический вестник. – 1923. – № 2(48). – С. 4.

19. Социалистический вестник. – 1924. – № 18. – С. 1-5.

20. *Сталин, И.В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе: тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии / И.В. Сталин / Сочинения: в 13 томах. Том 5. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. – С. 15-29.

21. *Сталин, И.В.* Сочинения: в 13 т. Т. 4. Ноябрь 1917–1920 / В.И. Сталин; Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). – М: Политиздат, 1951. – 487 с.

22. *Сталин, И.В.* Сочинения: в 13 т. Т. 5. 1921–1923 / В.И. Сталин; Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). – М.: Политиздат, 1951. – 446 с.

23. Тринадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1963. – 883 с.

24. *Шавлохова, Е.С.* Проблема независимости в контексте теоретическогоосмысления понятия «национальное государство» /

Е.С. Шавлохова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 81. – С.131-138.